

Анатолий Терещенко

ЩИТ И МЕЧ

МАЙОРА

ВОРИЧА

М
И
Р

Ш
П
И
О
Н
А
Ж
А

АРГУМЕНТЫ НЕДЕЛ*i*

Мир шпионажа

Анатолий Терещенко

Щит и меч майора Зорича

ИД "АРГУМЕНТЫ НЕДЕЛИ"

2017

УДК 94(47):929
ББК 63.3(2)6

Терещенко А. С.

Щит и меч майора Зорича / А. С. Терещенко — ИД
"АРГУМЕНТЫ НЕДЕЛИ", 2017 — (Мир шпионажа)

ISBN 978-5-6046512-5-4

Книга о разведчике Судоплатовской школы Александре Пантелеймоновиче Святогорове («Зориче») написана на основе неоднократных встреч и бесед с сыном героя повествования профессором-кибернетиком Леонидом Александровичем Святогоровым, а также переданного им автору семейного фотоархива отца. Героическая жизнь разведчика показана на примере его чекистских будней на территории СССР и двух заграничных командировок в составе разведывательно-диверсионных групп в Польшу и Словакию в 1944–1945 годах. Раскрыты эксклюзивные подробности уничтожения немецкого коменданта Харькова генерал-майора фон Брауна. Показана совместная деятельность Святогорова с «богом рельсовой войны» И.Г. Сталиным и «черным генералом» А.Н. Асмоловым. Освещены тонкости внедрения агента Зорича в Люблинскую школу Абвера, ликвидация «осинового гнезда» вместе с подразделением гестапо, охота на Эриха Коха, действия РДГ «Зарубежные» в Словакии и другие конкретные дела забытого разведчика. Книга рассчитана на широкий круг читателей. В формате a4.pdf сохранен издательский макет.

УДК 94(47):929
ББК 63.3(2)6

ISBN 978-5-6046512-5-4

© Терещенко А. С., 2017

© ИД "АРГУМЕНТЫ НЕДЕЛИ", 2017

Содержание

Предисловие	7
Путь в разведку	11
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Анатолий Терещенко

Щит и меч майора Зорича

Серия «Мир шпионажа»

© Терещенко А., 2022

© ООО «Издательство «Аргументы недели», 2022

* * *

Предисловие

Опыт – учитель, очень дорого берущий за уроки, но зато никто не научает лучше его.

Т. Карлейль

К сожалению, наша жизнь устроена так, что со временем теряют свою актуальность и забываются события прошедших лет. Однако XX век дал миру столько исторических примеров, память о которых, особенно в России, в умах и сердцах потомков должна и будет жить в веках.

Они, эти примеры или явления, навечно впрессовываются в историческую память народа, нации, этноса, а участники этих событий составляют их золотой фонд независимо от политических интриг, смены властителей, кровопролитных внешних и внутренних сшибок.

То, что было – запечатлено навечно, и уничтожить прошлое человек не в силах. Он не властен над минувшим. Прошлое у человека никто не отнимет, как и сам он не способен изменить или переставить в минувшем ни одной вехи, по которым ему пришлось пройти по жизни. Отменить прошлое и уничтожить ход истории, тем более великих событий, не дано никому, даже фальсификаторам!

Таким событием с трагедийно-победными последствиями для всех народов бывшего Советского Союза была Великая Отечественная война 1941–1945 годов. Она подняла волну патриотизма и истинного людского единения для отпора врагу, высокомерно считавшего славян и другие народы нелюдями, унтерменшами, бессловесным быдлом, недостойным пребывания на освоенной и осваиваемой «новыми хозяевами» чужой земле.

Именно чувство патриотизма, а не авторитет вождя, толкнуло народы к объединению против вселенского Зла, забыв о сталинских зигзагах и перегибах как в экономике, так и в политике в ходе борьбы за власть. Война затушевывала издержки коллективизации, индустриализации и настоящей охоты на инакомыслящих граждан в ходе правления Ягоды и Ежова. Перед людьми замаячило более страшное будущее, чем они прошли во время революционных сшибок и боины гражданской войны: превратиться в рабов или вовсе исчезнуть с лица земли.

Люди забывали себя, когда речь шла о помощи Отечеству в борьбе с оккупантами. Гитлер же уповал на мистику и свое Провидение, слепо веря в блицкриг и силу арийской крови своих солдат и офицеров в ходе осуществления плана «Барбаросса». Но враг в который раз просчитался, как просчитались Карл XII, Наполеон, Антанта и другие агрессоры нашей Родины. Пришел, наконец, он, добытый ратным и трудовым подвигами народа, Победный День 1945 года – «Праздник со слезами на глазах».

Надо отметить, что непростую героiku тех страшных будней творили простые советские граждане. День Победы они «...приближали, как могли». Эти люди отличались душевной красотой, духовным богатством и преданностью Родине. Многие из них предпочитали умереть мужественно, чем жить, мужественно страдая. Своими жизненными поступками «солдаты победы» как всякие благоразумные люди предупреждали коричневое зло, стойко борясь с ним и перенося его жестокости без всяких сожалений. Они не призывали Смерть, стоя на краю гибели, а активно боролись с нею и побеждали «мир за вычетом себя» – то есть смерть. Они не признавали перефразированного призыва Петрония: «Умереть – значит, присоединится к большинству».

Об одном из таких «обыкновенных» людей необыкновенного военного времени и пойдет речь в этой книге. Попытаемся словами передать то, что стало известно о стойком и скромном бойце «невидимого фронта» Александре Пантелеймоновиче Святогорове, действовавшем за линией фронта в тылу врага в 1944–1945 годах под псевдонимом «Зорич».

Чекиста отличали неординарность мышления, молниеносность реакции и способность мгновенно схватывать суть дела в порой непростой оперативной обстановке. Его разведывательно-диверсионная группа (РДГ) Дважды забрасываемая в тыл противника – в Польшу и Словакию – по заданию руководства 4-го Управления НКГБ СССР (генерал-лейтенант П. А. Судоплатов) и НКГБ УССР (генерал-майор С. Р. Савченко), выходила из горячих и «незримых» боев победительницей. Она была малочисленной по составу, мобильной по перемещениям, но весьма дерзкой по отпору врагу и результатам деятельности.

Радиостанция группы постоянно «висела» в эфире, не давая покоя гитлеровскому командованию. Все усилия военной контрразведки и гестапо нацистов обезвредить группу Зорича ни к чему не приводили.

Командир советских разведчиков-диверсантов как старый, хитрый лис всякий раз ускользал незамеченным от фашистских ищеек. Он и его группа умно обходили капканы, расставленные карателями и гестапо. Надо признать, что войск противника с жандармскими функциями в округе было очень много. Сюда надо присовокупить полицаев и многочисленный агентурный аппарат Абвера и РСХА. Радиопеленгаторные посты и их более крупные подразделения – дивизионы – были завалены шифрограммами русских разведчиков, но расшифровать за все время работы наших разведчиков противнику не удалось ни единого знака.

Группа Зорича действовала осторожно, но прицельно, а потому действенно и результативно. Деятельность разведчика-диверсанта быстро бегущее в одном направлении Время отправило в прошлое, которое стало теперь уже далекой историей.

Как замечено, великий человек идет впереди своего времени, умный идет рядом с ним на всяком пути, хитрый старается порядком использовать его, глупый становится ему поперек дороги. Время – великолепный учитель, но, к сожалению, оно убивает своих учеников на сравнительно короткой жизненной тропе, сколько бы лет человек не прожил. Ему даже на смертном одре будет казаться – все же маловато прожил, а ведь мог еще пожить.

Наш герой был жив и находился среди нас, поэтому автор спешил. Он хотел порадовать его мыслью, что его помнят, что о нем пишут, с ним как бы сверяют свои поступки в сегодняшнем непростом времени. Автор подготовил и опубликовал большую статью о нем и намеревался вручить Александру Пантелеймоновичу. Но вот в мистический день 22 июня 2008 года героя не стало...

Теперь, после смерти отца, его старший сын Леонид Александрович становится хранителем архива семейных и боевых тайн отца.

Поэтому автору хочется рассказать современникам о конкретных делах этого бесстрашного человека. Разведчик сменил семнадцать псевдонимов. Огласке предал только один – майор Зорич.

Чем дальше уходит от нас в глубины истории День Победы, тем пронзительнее звучит в сердце грустная нота, потому что все меньше остается тех, кого мы называем «поколением победителей». Уходит живая история, унося с собой много несказанного, много неразгаданного, много лживого и правдивого.

Наш герой – свидетель «живой истории» борьбы с фашизмом на незримом фронте награжден многими орденами и медалями СССР, Польши, Чехии, Словакии и Украины, в том числе знаком «Почетный сотрудник госбезопасности СССР». По случаю 90-летия со дня образования органов ВЧК ему был вручен орден одной из общественных организаций «Великая Победа. 1941–1945».

В его послужном списке в системе НКВД, НКГБ, МГБ и КГБ СССР десятки блестяще проведенных операций в военное лихолетье и первые годы холодной войны – в Запорожье и Киеве, Харькове и Люблине, Банско-Быстрице и Братиславе, Львове и Берлине и в других местах. В послевоенный период он продолжал воевать на незримом фронте вплоть до шестидесятых годов прошлого столетия.

По заданию мэтра советской диверсионно-разведывательной службы генерал-лейтенанта Павла Судоплатова он участвовал вместе с легендарным подрывником, в последующем полковником, И. Г. Стариновым в ликвидации гитлеровского ставленника – военного коменданта Харькова генерала Георга фон Брауна.

Это дело его ума – разработка плана по разгрому немецкой шпионско-диверсионной школы Абвера и управления гестапо в Люблине.

Это он и его бойцы пленили личного представителя адмирала Канариса – Вальтера Файленгауэра.

На счету «Зорича» захват «языков» в Люблине и Братиславе, представляющих несомненный интерес для фронтовых штабов Красной армии и много других совершенных героических дел.

Его группа, переросшая в отряд, наряду с другими партизанскими отрядами и соединениями оказывала постоянную помощь словацким повстанцам в ходе проведения Словацкого национального восстания. Под непосредственным руководством Святогорова – Зорича были профессионально спланированы и удачно проведены ряд диверсий против гитлеровских карательных отрядов. Ликвидирован не один десяток высокопоставленных гитлеровцев и освобождены из фашистских застенков некоторые лидеры народного сопротивления Чехословакии, в частности, Вильям Широкий и Юлиус Дюриш.

При подготовке и проведении спецопераций на территории Словакии и Чехии Александр Святогоров познакомился и работал с такими местными антифашистами как Климент Готвальд, Людвиг Свобода, Вилко Широкий, Густав Гусак и др.

Кроме того, после неудавшейся попытки легендарного разведчика из партизанского отряда Д. Н. Медведева «Победители» Николая Ивановича Кузнецова, действовавшего в Ровно под кличкой обер-лейтенанта Пауля Зиберга, ликвидировать рейхскомиссара Украины и гауляйтера Восточной Пруссии Эриха Коха, эту задачу руководство НКГБ поставило группе майора Зорича.

Несмотря на то, что палач скрывался, всячески заматывая следы своего пребывания в том или ином районе Польши, разведчики, в конце концов, выследили его точное место нахождения и запланировали похищение или ликвидацию любимца Гитлера.

Один из агентов Зорича, польский патриот – ксендз, заложил взрывчатку в подвале краковского замка Вавель – как раз под кабинетом бывшего рейхскомиссара Украины. Но подвело предательство другого негласного сотрудника. Именно он сообщил Коху о готовящемся на него покушении, и трусливый палач вовремя скрылся.

За голову майора Зорича в разное время фашисты давали от 150 до 500 тысяч крон. К нему в отряд под названием «Зарубежные» немцы не раз засылали террористов с целью ликвидации бесстрашного советского офицера-чекиста. Но все их планы заканчивались провалами – разоблачением лазутчиков, перевербовкой оступившихся или ликвидацией кровавых пособников фашистов.

Автору несколько раз доводилось слышать Святогорова во время выступлений перед разными аудиториями слушателей. А в день 90-летия со дня образования органов ВЧК-КГБ ему удалось встретиться в Киеве со старшим сыном героя Леонидом Александровичем Святогоровым. Сын очень похож на отца. Кстати, он, майор Зорич, один из прототипов собирательного героя фильма «Щит и меч» Иоганна Вайса – Александра Белова, которого профессионально и правдиво сыграл Станислав Любшин.

Вся его деятельность была, к сожалению, забыта на полстолетия, появился настоящий провал в памяти у советско-украинских властей. Создавалось впечатление, что о нем неудобно вспоминать. Почему?

– А чем занимался отец после разгрома немцев? – спросил автор этого повествования у Леонида.

– Был на дипломатической работе. Дело в том, что после 1945 года, поскольку он воевал в Словакии и знал язык, его после стажировки в МИДе посылали в качестве вице-консула в Братиславу. Вскоре по откомандированию своего начальника в Москву отец возглавил консульство.

В феврале 1948 году руководство органов госбезопасности СССР направляет его в Берлин. Он действовал там как разведчик под крышей «невозвращенца». Он даже работал по Керенскому, но это отдельная тема.

Леонид Александрович в ходе рабочих встреч передал автору книги почти весь собранный материал и много эксклюзивных фотодокументов из разных этапов жизни и деятельности отца.

Бегло просматривая их, вспомнилась старая притча о путнике, узревшем возле дороги трех каменотесов.

- Что ты делаешь? – спросил он первого.
- Обтесываю камни.
- А ты? – обратился он ко второму.
- Зарабатываю себе на жизнь.
- Ну, а ты? – задал он вопрос третьему.
- Я строю храм, – гордо ответил рабочий.

Такие как Зорич расчищали нашу землю от нацистской скверны, чтобы затем выстроить на ней Храм Духа. Но получился ли он у нас сегодня? Думаю, пока нет, и фронтовикам обидно за это.

Как говорится, из одного шелка шьют простыни для куртизанок-шпионок и парашюты для разведчиков. Так вот те, кто прыгал с парашютом ради возведения Храма, и есть настоящие герои Отечества.

И вот что мне подумалось: человек выстроил свой храм на войне из благородных и мужественных поступков. И жизнь могла оборваться в любую минуту. Но даже если бы это случилось, осталась бы память у людей о доблести этого человека, его конкретных делах в борьбе с озверелым врагом, посягнувшим на захват родной земли, на разрушения родного дома, на истребление соплеменников.

Память хранит все, что совершил человек. Пока жива память – человек с нами. Место среди людей всегда дорого стоило.

Переданные материалы – это и есть благодарная память о человеческом достоинстве и их нечего «секретить» или «забывать». Таким материалам не место в архивной пыли. Только на примерах героев из прошлого могут появиться герои в будущем. О том, что знал автор о Зориче и что рассказал ему сын известного чекиста-разведчика и пойдет речь в данной книге. Она посвящена герою, который заслужил своим ратным трудом, чтобы писать его с заглавной буквы. Герой заслужил Героя страны, которой, к сожалению, сегодня нет...

Путь в разведку

Александр Пантелеймонович Святогоров родился в холодный зимний месяц накануне Первой мировой войны – 15 декабря 1913 года – в Харькове, будущей столице советской Украины, четвертым ребенком в рабочей семье. Словосочетание «рабочая семья» комсомольцы тридцатых годов в своих анкетах писали с удовольствием. То было интересное время государственного переустройства в экономике: создания коллективных хозяйств и индустриализации страны. Сегодняшние писатели, журналисты и некоторые политики, правда, подвергают критике эти события, но у истории нет сослагательного наклонения. Мы можем только оценивать ее с позиций сегодняшнего дня и нередко ошибаемся. Нужно помнить, какая Россия осталась после страшных мясорубок Первой Мировой войны, революционных событий и Гражданской бойни. Выжить страна могла только с применением такого волевого пути. Но автор солидарен с теми, кто отвергает репрессивные методы, считая их средневековьем.

Репрессии (лат. *repressio* – подавление, угнетение) были карательными мерами, наказаниями, применяемыми государственными органами и самим государством. Они применялись исходя из политических мотивов в различных формах: лишение свободы, помещение на принудительное лечение в психиатрические учреждения, высылка, ссылка, лишение гражданства, привлечение к принудительному труду, лишение или ограничение прав и свобод лиц, которые были признаны социально опасными или неблагонадежными по классовым, социальным, национальным, религиозным или иным признакам, а также лишение жизни путем казни.

В одном из интервью В. В. Путин признался:

«Все мы хорошо знаем, что хотя 1937 год и считается пиком репрессий, этот год был хорошо подготовлен предыдущими годами жестокости, достаточно вспомнить расстрелы заложников в годы гражданской войны, уничтожение целых сословий, духовенства. Раскулачивание крестьян, уничтожение казачества. Такие трагедии повторялись в истории человечества не однажды. Это случалось тогда, когда привлекательные на первый взгляд, но пустые идеалы ставились выше основной ценности, ценности человеческой жизни, прав и свобод человека...

Уничтожены были и сосланы в лагеря, расстреляны, замучены сотни тысяч, миллионы человек. Причем это были люди со своим собственным мнением, люди, которые не боялись его высказывать. Это цвет нации... И мы, конечно, долгие годы, до сих пор ощущали эту трагедию на себе».

Но вернемся к тому времени.

Его называют временем воспитания человека в коллективе и через коллектив. Рабочие и крестьяне, учителя и инженеры – труженики были в почете. Страна, которая нуждалась в грамотных специалистах, звенела от песен и гудела от маршей. Плакаты призывали:

Молодежь, на самолеты!

Молодежь, осваивай паровозы!

Молодежь, учись!

В знаниях – сила!

И так далее.

Песня-марш «Все выше...», рожденная в Киеве и ставшая в 1933 году официальным маршем Военно-Воздушных Сил СССР, звучала в тридцатые годы по всей стране. Она действительно олицетворяла чаянья молодежи «сказку сделать былью»:

*«Мы рождены, чтоб сказку сделать былью,
Преодолеть пространство и простор.
Нам разум дал стальные руки-крылья,
А вместо сердца – пламенный мотор.*

А припев песни-марша даже как-то успокаивал людей – самолеты наши все лучше и лучше, а все наши границы – на замке.

*Все выше, все выше и выше
Стремим мы полет наших птиц.
И в каждом пропеллере дышит
Спокойствие наших границ.*

Это были годы индустриального ренессанса страны, ее переоснащения с вектором тяжелого, порой трагичного, ухода от единоличных хозяйств с «сохой» в сторону развития коллективных хозяйств, отечественной промышленности и начала урбанизации. Сельская молодежь почувствовала приятный вкус города.

Само время, сама судьба подсказывала – надо учиться!

Александр понимал, что ему необходимо овладеть каким-либо ремеслом, освоить конкретную специальность, а потом идти трудиться. Образно говоря, садиться на свой хлеб, тем самым становясь самостоятельным. На всю жизнь ему запомнились слова классного руководителя, который любил повторять – согласного судьба ведет, несогласного тащит насильно.

После окончания семи классов, что по тем временам было солидной образовательной подготовкой, ведь многие заканчивали только начальную школу и шли «на работу» или «на службу», Саша решил пойти учиться дальше.

Он успешно сдал вступительные экзамены и поступил в Харьковский силикатно-шамотный техникум. Учился легко и весело, потому что с желанием воспринимал умственную гимнастику, а ведь желание – отец мысли. Именно в желании выражается сущность человека, который считает, что оно есть потребность иметь то, чего нет, но что должно обязательно быть. Не было знаний, а их нужно было обязательно иметь для плодотворной в будущем работы, и вообще для жизни в дальнейшем. Смысл существования был в учебе и работе, в работе и учебе. Недаром в народе говорится: век живи – век учись! Вульгарной концовки этой поговорки он не признавал: дураком помрешь...

Наступал, нет, скорее напал черной тучей трагический по последствиям 1932 год...

Несмотря на достижения в области индустриализации страны, коллективное сельское хозяйство подвело селян.

1932 год – один из самых голодных годов в СССР. Не обошло это социальное зло и его родину – Украину, которую он любил и которой гордился – республика занимала второе место в Союзе по концентрации промышленного производства после России.

Ради объективности надо признать, что это было страшное время недорода из-за засухи и непродуманной, мягко говоря, политики верхов при планировании экономического развития. Голод наступал стремительно и масштабно. Вымирали целыми семьями на Украине и в Поволжье, на Кубани и в Казахстане, Сибири и на Дальнем Востоке, и даже в некоторых центральных черноземных областях России, где плодородная земля, казалось, должна была быть щедрой...

Воронежские черноземы тоже подвели – засуха, а не люди собирали урожай, чтобы обернуться потом голодом, людским мором. Земля пожирала людей.

Беда голода была всеобщей по Союзу. Это потом начал действовать «Гарвардский проект», подготовленный одним из коварнейших врагов единства восточного славянства Збигневом Бжезинским, провозгласивший миф о геноциде украинского народа и голодоморе только на Украине. В нем четко просматривался ясный вектор подлости на разжигание националистических страстей, и прежде всего вражды и ненависти к москалям – России и русскому народу. Хотя надо отметить, что слово «москаль» – это не обязательно русский. Москалями называли в старину вообще служивого солдата или офицера Российской императорской армии.

Проект Бжезинского щедро финансировался и дополнялся новыми «научными разработками». Так, в 1983 году в издательстве Гарвардского университета была опубликована работа Джеймса Мейса «Коммунизм и дилеммы национального освобождения: национальный коммунизм в Советской Украине в 1919–1933 годы». Проблемой голода и террора в УССР занимался еще один «ученый» – бывший сотрудник британской разведки Роберт Конквест, написавший по заказу и при помощи ЦРУ две книги на эту тему: «Жатва скорби» (1966) и «Великий террор» (1969). За первый опус автор получил гонорар в размере 80 000 долларов от Организации украинских националистов (ОУН¹). Собрали ведь такую сумму самостийщики!

И вот эти заморские и доморожденные борзописцы постепенно поднимали планку погибших от голода на Украине с диапазоном неприкрытой лжи от 5,5 до 25 миллионов человек. Махровый миф, граничащий с нонсенсом и только. Эти два бессовестных автора, затронувшие тему голодомора, явно руководствовались нравственно-психологической установкой Адольфа Гитлера: «Чем больше ложь, тем больше ей верят».

Русофобы ретиво пытаются реализовать геополитические установки отдельных ненавистников единства славянства и самой России. Например, житомирский борзописец Иосиф Свирский, словно попугай, продолжает настойчиво повторять:

«Голодомор 1932–1933 годов – это геноцид против целого народа. Он был задуман и осуществлен руководством СССР, находящимся в Москве. А так как Россия была колонизатором Украины..., то многие у нас отождествляют это преступление с Россией».

Поиском виновников голодомора в Украине озабочен и ее недавний неудачный президент, ставший «хромой уткой» – неугомонный в поисках врага на Востоке Виктор Ющенко. Он винит в этом зле исключительно уже даже не сталинский режим (ведь его и следов не осталось), а нынешних россиян и их руководство. Вот, до чего можно договорится в запальчивой русофобской злобе!

И мне вспомнились слова совсем не лояльно настроенного к Москве украинца – Павла Скоропадского:

«Разница между мною и украинскими кругами та, что последние, любя Украину, ненавидят Россию, у меня этой ненависти нет. Во всем этом гнете, которой так резко был проявлен Россией (разумеется, царской – *Авт.*) по отношению ко всему украинскому народу, нельзя обвинять русский народ. Это была система правления».

Страшно то, что целенаправленные глупости и подлости против единства славянских народов и православия Збигнева Бжезинского, Джеймса Мейса, Роберта Конквиста и им подобных тиражируют современные недобросовестные историки, давая пищу таким же политикам. Лживых историков, как когда-то сказал великий Сервантес, следовало бы казнить, как фальшивомонетчиков. Но не будем углубляться в эту проблему – это тема большого и глубокого исследования ждет честных историков в будущем...

* * *

Вернемся к нашему герою.

Выпускные экзамены также легко сданы, как и вступительные. Молодого специалиста по разнарядке сверху направили на завод огнеупорных изделий Запорожского металлургического комбината «Запорожсталь». Сначала он стажировался, совсем недолго, в подмастерьях, а потом руководство, уловив в нем струнку организатора и человека, достаточно быстро усва-

¹ Организации, запрещенные в РФ.

ивавшего полюбившуюся профессию, молодого специалиста сразу же назначили на высокую должность – мастер цеха.

Ступени роста, которые выстроила система для согласного честно трудиться молодого человека, вскоре вывели его на относительно большой пост – начальника смены, а потом и всего цеха предприятия. Это был самый молодой руководитель такого уровня. Авторитет в коллективе его стремительно рос. Он тихо гордился собой, им громогласно гордилось руководство завода, не говоря уже о близких и родственниках. Он понимал, что репутация – это то, что говорят о тебе за твоею спиной. А говорили только добрые слова.

После страшного 1937 года власть очень боялась, что народ может взорваться или тихо войдет в состояние внутренней депрессии. Когда свобода исчезает, остается еще страна, но отечества уже нет. Для Александра Отечество оставалось.

В 1939 году передовика производства приняли в члены ВКП(б)...

Он стал коммунистом, что по тем временам было предметом зависти беспартийных, окружающих его в коллективе. Это сегодняшние ненавистники топчут наших стариков за то, что они умудрились родиться, учиться, работать и служить Родине во времена Красной империи. Разве люди виноваты в том, что их родители произвели на свет в то суровое время? Родившийся ребенок не выбирает места своего появления.

О, время! Оно меняет людей, вождей и режимы. Со временем дряхлеют, рушатся и исчезают империи. И даже целые народы, но корни величия тянутся из прошлого и питают соками гордости, позволяя потомкам держать головы высоко. Воспоминания – это рай, из которого никакой историк или политик не сможет выбросить человека и его прошлую жизнь. История – это бессмертие! Инсинуации и попытки переименовать ее – это блеф и мифологемы на потребу ущербных политиканов.

* * *

Но давайте снова возвратимся к молодым годам Святогорова и появлению в его судьбе крутого жизненного поворота. Как видим из выше перечисленных жизненных сюжетов, виражей у него было много, а они наработывали опыт, стиль поведения и адекватные действия в конкретных ситуациях.

Дело в том, что грамотного, честного и дисциплинированного, без всяких вредных привычек молодого человека заметили сотрудники госбезопасности местного Управления НКВД. Надо отметить, что с тех пор в системе подбора кадров в органы ничего не изменилось – выбирали и выбирают лучших кандидатов. Его стали периодически вызывать в областное управление сначала для знакомства, затем на собеседования для определения будущей, как говорится, «профессиональной пригодности». А потом, после завершения удачного тестирования, сделали прямое предложение – перейти к ним на работу, которая называлась по-военному – службой, только не в Красной армии, а в органах государственной безопасности.

Александр Пантелеймонович вспоминал, что еще с детства его привлекала профессия чекиста, в частности, его самый секретный профиль – советского разведчика. Он уже тогда четко мог отличить понятие шпиона от разведчика, предателя от патриота, террориста от диверсанта, лазутчика от бандита-уголовника. Он понимал, что шпионы предадут и продадут Отчизну, а разведчики ее защищают.

Слово Святогорову:

«Кино я любил с детства и верил во все, что там показывали. Для меня «туманные картины», как в 20-е годы называли немые фильмы, были волнующей реальностью. А когда появились «Красные дьяволята» и особенно

«Путевка в жизнь», мне страшно захотелось быть похожим на героев этих кинокартин и так же, как и они совершать самые невероятные подвиги и самые героические дела.

И когда, бывало, кто-нибудь о чем-то необычном с иронией говорил: «Все, как в кино», то мне хотелось возразить: «Уж если как в кино – так и обязательно и в жизни!»

Но вот что интересно – это чувство у меня сохранилось до сих пор. И сегодня, когда очередной скептик по поводу фильма о разведчиках с иронией произносит: «Это же в кино!», мне снова, как в детстве, но теперь уже с фактами в руках, хочется ответить: «Поверьте, так было в жизни. Я это знаю, потому что это прошел».

Оперуполномоченный отдела госбезопасности Управления НКВД по Запорожской области Смешко, который с позиций кадрового подбора «работал» с Александром (кстати, Смешко стал в дальнейшем ректором Киевского института иностранных языков. – Авт.), заявил ему буквально следующее:

«Ты молодой, перспективный специалист, свежим умом взглянешь на проблемы, появившиеся в последнее время в чекистских подразделениях. У нас, в органах, было много искажений, ошибок и даже преступлений. И мы хотим, чтобы такие, как ты, умные и физически крепкие молодые люди помогли нам очиститься от негодных, закостенелых, а потому и профессионально непригодных отдельных наших работников, опьяненных властью и слепо выполняющих порой явно преступные указания партийных чиновников и своих непринципиальных начальников.

Приказ, конечно, есть приказ, но надо думать, какие последствия могут наступить от его рьяного выполнения. Законы у нас в большинстве случаев правильные, они – это набор правил или норм поведения, которые определяют отношения между людьми, организациями и государством. Законы чекист должен знать и неукоснительно их выполнять...»

Александр и впрямь показалось, что он приходит в чекистскую среду выполнять какие-то важные для Родины мероприятия, решать глобальные задачи, которые должны положительно перестроить отношения органов государственной безопасности в обществе и саму страну в целом.

* * *

То были годы периода правления в органах ОГПУ – НКВД сначала Генриха Григорьевича (Еноха Гершеновича) Ягоды (1891–1938), а потом Николая Ивановича Ежова (1895–1940). Эти два по существу слепых исполнителя воли вождя и вождей и по недомыслию, и по злему умыслу нагромодили столько «кровавых несуразностей», что в рамки понятия «враг народа» мог подойти любой порядочный гражданин. В категорию противников советской власти попадали разные люди – от колхозника и до чекиста, от инженера и до партийца, от рядового и до генерала.

Красное колесо, а скорее массивный каток репрессий, покатылся по стране все быстрее и быстрее, подминая под собой судьбы многих честных людей.

После смерти Ф. Э. Дзержинского в 1926 году именно Ягода сформировал центральный аппарат ОГПУ-НКВД из своих людей. С его помощью на ответственные посты приглашались,

проникали и оседали, как ни странно, приверженцы Троцкого – троцкисты и другие элементы, критиковавшие линию Сталина и предлагавшие себя в поводыри государства «рабочих и крестьян» с замахом на быстрое осуществление мировой революции. Они считали, что Сталин отошел от марксистско-ленинской идеи о необходимости борьбы за Революцию во вселенском масштабе, а сконцентрировался на выполнении объемных задач только в своей стране. Его даже называли могильщиком пролетарской революции, термидорианцем.

Как писал Алексей Елисеев, сталинскую политику именуют термидором. Особенно любил говорить о сталинском термидоре Лев Троцкий. Однако только группировка термидорианцев во Франции положила конец массовому революционному террору 1793–1794 годов, который грозил сожрать и самих революционеров.

Как ни относиться к Сталину, очевидно, что он осуществил ряд прямо-таки контрреволюционных мер, направленных против нигилизма, порожденного «внезапной» революцией. Восстановил в правах национальный патриотизм. Способствовал тому, чтобы искусство, особенно архитектурное, приняло бы классические формы. Наряду со своим культом установил культ русской литературы. Взял курс на укрепление семейного уклада. «Реабилитировал» многих исторических деятелей старой России. Прекратил преследование церкви.

Надо отметить, что еще в 1918 году Сталин публично выражал свое скептическое отношение к революционным устремлениям европейского пролетариата. Во время обсуждения вопроса о мирном соглашении с немцами он заявил:

«...Принимая лозунг революционной войны, мы играем на руку империализму...

Революционного движения на Западе нет, нет фактов, а есть только потенция, а с потенцией мы не можем считаться».

Свой скепсис Сталин сохранил и во время похода на Польшу в 1920 году. Тогда вся партия жила ожиданием революционного вторжения в Германию и взрыва ее изнутри. Один лишь Сталин был против этого тезиса, оказавшись в оппозиции.

Преимущественно руками «красных князьков» на местах и ягодо-ежовского аппарата в центре были осуществлены незаконные репрессии в тридцатые годы – годы больших общественных потрясений и бурного развития промышленного производства.

Именно в подобной обстановке из социального дна поднимается пена в облике обиженных, морально ущербных и злобных людей. Как правило, такие типы всегда тянутся к власти над людьми. Особенно их привлекают карательные органы. Они там отводят душу, что и сегодня можно проследить на примерах оборотней в погонах. К Советской власти того периода «примазалось» немало карьеристов, мздоимцев и откровенно враждебных ей лиц.

Писатель М. М. Пришвин, характеризуя эту эпоху на примере чиновничества в городе Ельце, писал в далеком уже 1919 году, что «руководящие посты в городе сумели занять недоды, которые в случае смены власти вновь окажутся на прежних должностях – полицейских, урядников, инспекторов. Эти не только не заботились об авторитете Советской власти, но с удовольствием под шумок уничтожали коммунистов».

Это они вскрыли ящик Пандоры, который длительное время власти не могли закрыть, а как результат – страдали порой ни в чем не повинные люди.

Гонимый советской властью глубокий философ и мыслитель Николай Бердяев о революции как-то сказал, что она всегда в значительной степени маскарад, и если сорвать маски, то можно встретить старые, знакомые лица. Действительно, на крутых поворотах истории появляется много перекарнававшихся типов, а поэтому все революции обнаруживают необыкновенную низость человеческой природы многих наряду с героизмом немногих. Революция – дитя рока, а не свободы. И поэтому проявляли героизм те немногие, которых ученый назвал детьми рока.

Революция борется против власти, ставшей злой, и она борется за власть, и в ней побеждают силы, которые наиболее способны организовать власть, вытесняя и часто истребляя менее на это способных желающих повластвовать.

Надо отметить, что в этих социально-политических «чистках» советского общества по уточненным данным погибло около 50 тысяч в большинстве честных и чистых сотрудников органов госбезопасности. Чекистов, как разведчиков, так и контрразведчиков, тоже арестовывали, судили скоротечно и так же расстреливали. Они, как и другие граждане, попадали под жернова адской государственной машины с холодным, предательским чиновничьим аппаратом.

Для объективности и полноты представления, каким образом эти два жестоких человека попали в органы, есть смысл напомнить, хотя бы кратко, их жизненно-служебные вехи.

* * *

Генрих Ягода родился в городе Рыбинске Ярославской губернии в семье гравера-печатника. Он приходился троюродным братом Я. М. Свердлову – председателю ВЦИК, который не только стремился к абсолютной власти, но есть достаточно много данных о его намерениях устранить Ленина и заявить о себе как о вожде. Троцкий для него был тоже соперником, а «красный Бонапарт» тоже себя считал пригодным для руководства страной. Но судьба распорядилась по иному: по одним данным Свердлов простудился, слег и не смог выбраться из плена опасного недуга. По другим, и это очень похоже на правду, его жестоко поколотили рабочие одного из московских заводов, где он собирался выступить, не дойдя до трибуны. Третья версия – его убрали те, кому он мешал. Конец этого себялюбца и человека с масштабными запросами закономерен – его жизненная тропа закончилась быстро. Не суди, да не судим будешь!

Ягода впоследствии женился явно по расчету на его племяннице Идее Леонидовне. До 1913 года будущий глава чекистского ведомства жил в городах Симбирске, Нижнем Новгороде и Москве.

По мобилизации попал в 1915 году в армию, где и примкнул к большевикам. В боевых действиях не участвовал. Писали, что скрывался где-то в тылах. В 1917 году оказался в Петрограде, и уже с 1918 года он – сотрудник аппарата Высшей военной инспекции. Таких «образованных» тогда свои с удовольствием брали во власть.

С 1919 года он уже на службе в ВЧК, ГПУ и ОГПУ. В 1934 году в связи с расформированием ОГПУ Ягода был назначен народным комиссаром внутренних дел (НКВД) СССР. В это же время Главное управление госбезопасности (ГУГБ) вошло в новосозданный наркомат. На этом посту он проявил себя как один из главных организаторов и исполнителей массовых репрессий.

Кроме всего прочего, он любил роскошь и, естественно, был жаден до денег. Проживая в двадцати комнатной даче, устраивал оргии и любил побаловаться слабым полом. В суть оперативной работы особо не вникал, хотя палаческие функции исполнял исправно, даже с «перевыполнением планов».

25 сентября 1936 года И. В. Сталин явно был не столько напуган и оскорблен той кровью, которую пролил сибарит Ягода, сколько его бездеятельностью в борьбе с главными его врагами – Троцким и троцкизмом. А скорее Сталин на основании полученных оперативных материалов подозревал, что сам главный чекист органически «вплетен» в троцкистский заговор, направленный против него – «вождя всех народов, заселяющих великий Советский Союз».

Кстати, в это время прозревший правитель СССР находился на отдыхе в Сочи вместе с наиболее приближенным к телу вождя партийным чиновником А. А. Ждановым. После краткого обсуждения «кадрового вопроса» со своим очередным любимцем, которых для профи-

лактики менял часто, он неожиданно для многих кремлевских работников направляет в Политбюро ЦК телеграмму такого содержания:

«Считаем абсолютно необходимым и срочным делом назначение т. Ежова на пост наркомвнудела. Ягода явным образом оказался не на высоте своей задачи в деле разоблачения троцкистско-зиновьевского блока. ОГПУ опоздал в этом деле на 4 года. Об этом говорят все партработники и большинство областных представителей НКВД».

И уже 29 марта 1937 года Генрих Ягода был внезапно арестован по обвинению в участии в так называемом «правотроцкистском блоке» (дело Бухарина, Рыкова и других). Следствие продолжалось почти год. На допросах он юлил, пытался изображать себя верным сторонником вождя, оклеветал ряд честных работников своего учреждения. Но это не помогло ему уйти от наказания. Его судили, а затем приговорили к ВМН – расстрелу.

15 марта 1938 года приговор привели в исполнение.

* * *

Его преемник на посту народного комиссара внутренних дел СССР Николай Иванович Ежов родился в Петербурге в семье дворника. Окончил всего три класса начальной школы. Больше никогда и нигде не учился. В 1913 году его призывают в армию, но из-за маленького роста (151 см) со строевой части он был откомандирован в артиллерийские мастерские Красной армии. После службы работал в Витебске и в Вышнем Волочке...

В мае 1917 года вступил в ряды РСДРП(б). В 1921 году избран заместителем заведующего агитационно-пропагандистского отдела Татарского обкома РКП(б), благодаря чему вошел в местную партийную номенклатуру. И только уже затем отправился в «плавание» по морям разных партийных должностей и постов.

В 1930 году Николай Ежов становится заведующим Орграспредотдела ЦК ВКП(б) и лично знакомится с Иосифом Сталиным. В 1935 году Ежова назначают председателем Комиссии партийного контроля и одновременно секретарем ЦК ВКП(б).

26 сентября 1936 года «маленького человечка», «партийного карлика», как его пренебрежительно называли многие сослуживцы, ставят наркомом внутренних дел СССР. Скоро он превратился в «кровавого карлика», «чекистского жупела», «чекистского палача № 1». Постепенно законный нарком стал усваивать должность незаконного диктатора-тирана не только в своем наркомате, но и во всей стране. Намеки и команды спускались сверху, а он их бесшабашно реализовывал с масштабами геометрической прогрессии.

Сменив Ягodu, он не только не остановил движение кровавого шнека репрессий, а, наоборот, их усилил, резко ускорив обороты этой костедробильной машины. Первичную чистку Ежов начал с НКВД – убирались, как и всегда, честные и порядочные сотрудники, высокие профессионалы, не испачканные «служебным холуяжем с кровавым оттенком». Много претензий он предъявлял разведчикам, которых отзывал из-за границы по подозрению в нелояльности к существующему режиму и предательству за рубежом. Многих чекистов он подозревал в работе на противника.

Когда авторзнакомился с «деятельностью этого сталинского государственника», невольно попросил Аристотеля ответить на вопрос, что же это за феномен – тирания тирана. И вот какой получил ответ:

«Средства тирании таковы: подавлять всякое превосходство, отделяться от честных людей, запрещать собрания и ассоциации, запрещать обучение и всякое просвещение, мешать всему, что обыкновенно сообщает мужество и доверие к себе...

Тирания любит злых именно потому, что любит лести. А свободный человек не может унижаться. Честный человек умеет любить, но он не льстит. Свойство тирана – отталкивать всех, сердце которых гордо и свободно».

Как любое ничтожество он был тщеславен, а поэтому всячески поощрял возвеличивание себя в искусстве. Появились стихи и песни, благожелательные шаржи и полотна с портретами «стального наркома». Газеты печатали такие призывы: «Мы врагов советской власти по-ежовски будем бить...»

Художники рисовали наркома человеком гигантского роста, который «ежовыми рукавицами» давит гидру контрреволюции, устанавливая единый революционный порядок по всей огромной стране.

Народный поэт Казахстана Джамбул Джабаев сварганил даже стихотворение – длиннющий панегирик под названием «Нарком Ежов». В переводе К. Алтайского оно почему-то было напечатано впервые... в «Пионерской правде». Хочу привести несколько четверостиший из этого опуса:

*«В сверкании молний
ты стал нам знаком,
Ежов, зоркоглазый и умный нарком.
Великого Ленина мудрое слово
Растило для битвы героя Ежова...
С бойцами он ласков, с врагами суров,
В боях закаленный, отважный Ежов...
Враги нашей жизни, враги миллионов,
Ползли к нам
троцкистские банды шпионов,
Бухаринцы, хитрые змеи болот,
Националистов озлобленный сброд...
Они ликовали, неся нам оковы,
Но звери попались в капканы Ежова,
Великого Сталина преданный друг,
Ежов разорвал
их предательский круг...»*

Слово Святогорову:

«Все мы тогда читали это славословие наркому Ежову. Одни восторгались словами известного поэта, другие люди, в том числе и из нашей оперативной среды, открыто говорили о дешевом культе руководителя органов безопасности, третьи – предупредительно-оправдано молчали, у них четко срабатывал инстинкт самосохранения.

Я сам видел в этом стихотворении элементы подхалимажа, которые неприятны были для восприятия трезвомыслящему человеку.

Всеобщая подозрительность и аресты убеждали меня в правоте моих умозаключений. Однако среди наших сотрудников было большинство, которые считали, что скоро этому беспределу непременно придет конец.

Было такое предчувствие, было...»

Дорогой ценой обошелся стране этот «порядок», навязанный «зоркоглазым наркомом». Кровь разлакомила «маленького» тирана. Уверовав в великую силу фальсификации и соб-

ственную безнаказанность, Ежов продолжал сочинять «обличительные» материалы, касающиеся будущих жертв. Масштабы политических убийств были таковы, что в них было что-то от Великой гражданской братоубийственной войны, от разгула стихии, вырвавшейся из-под контроля закона, совести, здравого смысла. Система уничтожала часто самых верных, тех, кому она обязана была самим существованием. Обработка арестованных была такова, что почти все обреченные, переходя в категорию жертв «честно признавались в своих преступлениях», которых явно не совершали. Жертвам хотелось поскорей избавиться от мук и мучителей даже ценою скорой смерти. У многих тлея сомнительная мысль: я не боюсь умереть, я просто не хочу при этом присутствовать. То есть желали, чтобы скорее наступило полное затмение солнца и земли без всяких процедур: следствия и суда. Нас не будет. Впрочем, это уже было.

А обыватели, которых власть называла «народными массами», облученные радио и журнально-газетной пропагандой, верили правильности судебных вердиктов.

Больше того, они нередко кричали на процессах судьям в отношении подсудимых: «Распните их!», «Собакам собачья смерть!», «Контрреволюционеров к стенке!», «Смерть врагам народа!», «Врагам народа скажем НЕТ!» и другие подобные лозунги. А на завтра многие из этих людей сами становились заложниками своего суеверия и уже на них другие «патриотически-настроенные» адепты власти орала – распните!

Как писал Судоплатов, на решение Сталина снять Ежова с должности и отдать под суд повлияла одна явная фальшивка. Именно она открыла дорогу кампании против «железного наркома» и работавших с ним сотрудников. Подстрекаемые Берией, два начальника областных управлений НКВД из Ярославля и Казахстана обратились с письмом к Сталину в октябре 1938 года, клеветнически утверждая, будто в беседах с ними Ежов намекал на предстоящие аресты членов советского руководства в канун октябрьских праздников.

Акция по компрометации Ежова была успешно проведена. Через несколько недель Ежов был обвинен в заговоре с целью свержения законного правительства. Политбюро приняло специальную резолюцию, в которой высшие должностные лица НКВД объявлялись «политически неблагонадежными». Это привело к массовым арестам всего руководящего состава органов безопасности.

В декабре 1938 года Берия официально взял в свои руки бразды правления в НКВД.

Молох репрессий не пощадил ни супругу Ежова Евгению, ни его референта по французской литературе Марию Александровну Паппэ, ни приемную дочь Наташу Ежову. Первых двух женщин расстреляли, а малышку выслали в Магадан. В момент, когда писались эти строки, уже пожилая Наталья Николаевна – дочь наркома НКВД Николая Ивановича Ежова, жила в этом городе под чужой, навязанной ей спецслужбами фамилией. Она понимала, что ее отец, проклинаемый многими сегодня, скончался в страшных муках в застенках Лубянки. Лишь один человек на свете – его дочь – по-прежнему любит своего отца, пытаясь переложить основную вину на кремлевского вождя. Может, она иногда спрашивает или спрашивала тень отца:

«Что же ты сделал, папочка, со своей и моей жизнью? Неужели стоило так надрываться, чтобы угодить кровавому упырю?!»

Вопрос почти гамлетовский. В ответ, как у Шекспира – гробовое молчание давно отшумевшего прошлого, безвозвратно канувшего в Лету.

* * *

После расправы над Ежовым к власти в НКВД пришла новая команда.

Именно в это время появились так называемые приближенные к вождю, так называемые «подводки» – наглый честолюбец Каганович, пьяница и гуляка Куйбышев, всегда готовый подтолкнуть падающего Ворошилов, развратник и насильник Рудзутак, жалкий фигляр Паукер, ленивый и барственный Енукадзе, трусливый краснбай Бухарин. Это он – «любимец

партии», еще в 1918 году сказал, что «пролетарское принуждение во всех формах, начиная от расстрелов и кончая трудовой повинностью, является методом выработки коммунистического человечества из человеческого материала капиталистической эпохи».

Теперь у некоторых историков и писак льются слезы из-за такого жизненного финала «любимца партии».

А до этого, как уже говорилось, в ранге «подвождей» побывали мрачный негодяй Ягода, злобно-шкодливый Ежов, баловавшийся субъектами своего пола, и другие персонажи на политическом подиуме сравнительно молодой Советской Республики.

Все они были одним миром мазаны, все это одна преступная мафия, захватившая власть обманом, в кредит под светлое будущее и очень скоро лишившая народ не только будущего, но и сколько-нибудь человеческой жизни в настоящем.

Это было время состояния внутренней войны. Как говорил Томас Гоббс, пока люди живут без общей власти, держащей всех их в страхе, они находятся в том состоянии, которое называется войной, а именно в состоянии войны всех против всех.

При всех грехах Сталина, он сумел разглядеть в некоторых из этой когорты «революционеров-ленинцев» мерзость их поступков, несовместимых с занимаемыми должностями и пребыванием их на святой земле.

И уже при Ежове появляются планы и разнарядки с указанием планового выделения «энного» числа людей, предназначенных для арестов, отправки в лагеря или в «подвалы» на расстрел. Именно плановая метода уничтожения здорового генофонда как «врагов народа» стала стремительно претворяться в жизнь.

Александр помнил, как случайные прохожие, по каким-то причинам попавшие в район расположения здания УНКВД в Запорожье, спешили поскорее унести ноги от ворот, которые часто распахивались для того, чтобы пропустить во внутренний двор зловещие серые «воронки» и зеленые «хлебовозки». Они были забиты не хлебом, а всякого рода «чуждым советскому строю» элементом: «троцкистами», «бухаринцами», «вредителями», «немецкими шпионами», «антисоветчиками» и прочими «врагами народа».

После коротких следственных разборок на свалку вывозили тела тех, кого приговаривали к ВМН и изрешеченные пулями войлочные маты и сотни килограммов истрепанных выстрелами пеньковых канатов.

Впрочем, не только Запорожье, но и вся страна в очередной раз захлебнулась кровавой волной массовых репрессий. Это были страшные годы советского мракобесия.

* * *

После приказа Ежова от 30 июля 1937 года за № 00447 начали действовать так называемые «тройки». Этот его, опять же, кровавый раструб политической мясорубки, другого образа трудно найти, стал поставлять, а ножи репрессий перемалывать судьбы и жизни зачастую невинных людей. Из-за масштабов той кровавой лужи Ежова, которая растеклась по огромной стране, снова переполошились вожди в Кремле – явно перегнул «дурак палку», как скажет потом один из приближенных к Сталину. Чтобы что-то создать для страны полезное, надо кем-то быть. А что мог создать Ежов с неполным начальным образованием и натурой холуя, слуги, пресмыкающегося?

Авторитет органов госбезопасности, авторитет страны на международной арене был подмочен. Виной и результатом репрессий стал процесс невозвращения на вероятную Голгофу в Москву не одного десятка сотрудников политической и военной разведки.

Слово Святогорову:

«Нужно сказать, что обстановка в стране того периода была жуткой. Многие жили в атмосфере ожидания ареста – вокруг сплошная «посадка»...

С нашего завода «черный воронок» каждый день кого-то увозил. Эта серая машина работала, как челнок: завод – тюрьма, тюрьма – завод. Я тоже боялся за себя. По молодости мы были смелые на колючие слова, тем более в компании сверстников, живя в общежитии.

Мне повезло: как только я женился, сразу же выселился из общежития, а там ребята немного позже здорово «залетели».

Кульм Сталина не столько он создал, сколько его создавали сами люди с подачи, конечно, властей. На собраниях рабочих коллективов была такая практика: при упоминании в докладе слова «Сталин» собравшиеся вставали и минут пять аплодировали возглаго. Такая практика была заведена.

Я еще раз отмечаю – молодежь воспринимала эту форму низкопоклонства нередко скептически. Иногда она принимала очертания протеста. У нас в общежитии висел большой портрет Сталина. Однажды при выходе ребят из столовой один из молодых рабочих запустил в «икону» мякишем хлеба, скатанного в шарик. К вечеру вся компания была арестована.

Если бы я был с коллегами, то тоже оказался бы на нарах, и, конечно, я бы не стал разведчиком».

Как писал в своей книге «Сталин и разведка» известный исследователь истории отечественных разведывательных органов И. А. Дамаскин – разведчики, находившиеся в длительных командировках за рубежом, зачастую были плохо осведомлены об арестах их коллег и друзей и расправах над ними. Доходившая до них информация в большинстве случаев носила неправильный характер, оправдывающая необходимость арестов «врагов народа».

Сейчас это трудно себе представить, но в те времена многие верили, что арестовывают истинных врагов и шпионов, и удивлялись, каким образом тем удавалось так долго носить маску преданных Родине людей. Невинных – не арестовывают, нет дыма без огня – крутились подобные заключения в головах тех, кто скоро становились в положение подобных жертв.

Другие полагали, что арестовывают так для профилактики за действительно имевшие место дисциплинарные или служебные нарушения. Подержат их в КПЗ и следственных изоляторах, попугают и отпустят.

А из резидентур в это время поодиночке «вытаскивали» людей, и те покорно отправлялись на родину, где их ожидали «приемы без почестей» с выбиванием признания в принадлежности к шпионской деятельности.

Некоторые – вполне обосновано – считали себя честными и порядочными людьми, которых вообще не должна коснуться никакая кара, никакие репрессии. Другие полагали – так же обосновано – что они оправдаются, какие бы несправедливые обвинения им не предъявляли. Иные просто полагались на судьбу, мол, она справедливо отреагирует на всякие обвинения.

Для всех для них честь советского человека и разведчика была превыше всего. Слова Маяковского: «*Читайте, завидуйте, я – гражданин Советского Союза!*» были не пустым звуком, и они даже помыслить не могли о том, чтобы не явиться домой – на Родину – по вызову, что бы их ни ожидало.

Таких людей, опытных и преданных власти, было подавляющее большинство. Это были честные солдаты сложного разведывательного уже не ремесла, а искусства, длительное время, говоря образно, ходившие по лезвию ножа в своей профессии.

Еще одна категория зарубежных сотрудников относилась к тем, кто боялся за судьбу своих семей. А бояться было чего.

Дело в том, что еще в 1929 году был принят «Закон о невозвращенцах». Впоследствии он был включен в Уголовный кодекс Советского государства. Им предусматривалась ответственность членов семей невозвращенцев. Совершеннолетние близкие родственники, проживавшие вместе с этими лицами, подлежали высылке в отдаленные районы Сибири на так называемое «трудовое перевоспитание».

В 1938 году по инициативе Сталина было принято секретное дополнение к закону, согласно которому невозвращение и бегство военнослужащих и сотрудников правоохранительных «органов» приравнивалось к измене Родине, и поэтому, соответственно, были усилены кары для их родственников.

Известный разведчик Василий Михайлович Зарубин вспоминал, как на одном из совещаний Берия поднял его и безапелляционно заявил:

«Так, расскажите-ка о ваших связях с фашистской разведкой».

Зарубин сначала опешил, стены поплыли перед глазами, кровь ударила в голову и обожгла сердце, потом известный разведчик, обожаемый Сталиным, обуздал свои нервы и достойно ответил Берии, кстати, в довольно таки резкой форме. Он в категорической форме отверг подобные обвинения. Как ни странно, Берия оставил этот разговор без последствий, наверное, знал отношение к нему и его жене вождя. Но Берия в тот момент «нагнал страха» на всех присутствующих на совещании чекистов.

Внутренние потери, т. е. на Родине, среди разведчиков были ощутимыми. Из общего числа сотрудников внешней разведки в Центре и резидентурах в 450 человек было репрессировано 275.

Эти слова, как говорится, в назидание потомкам.

Но вернемся к главному «дирижеру» репрессий проклятого народом «тридцать седьмого».

К середине 1938 года Ежов выполнил свою миссию. Первым признаком того, что его карьера подошла к концу, стало назначение в апреле 1938 года наркомом водного транспорта (пока что по совместительству).

В августе того же года первым заместителем Ежова по НКВД и начальником ГУГБ был назначен Л. П. Берия.

23 ноября 1938 года Сталин вызвал «кровавого карлика» к себе в кабинет и потребовал от «железного наркома» написать соответствующее заявление в Политбюро ЦК ВКП(б) об освобождении его от должности наркома внутренних дел СССР. Думается, немалую роль сыграли в принятии такого решения вождя и уже упоминаемые пасквильеры двух «бдительных» начальников НКВД из Ярославля и Казахстана.

«Просьба» его была немедленно удовлетворена.

А 10 апреля 1939 года Ежов был уже арестован так же, как и его предшественник. Ордер на его арест за № 2950 подписал лично его первый заместитель Берия – новый кандидат на «скользкую должность». Он тоже закончит свое пребывание на этой земле печально, но об этом несколько позже.

Существует версия, что в сейфе в служебном кабинете Ежова были найдены заведенные им дела на многих членов ЦК, в том числе на Сталина и Маленкова. Но при этом отсутствовали дела на Молотова, Кагановича, Ворошилова и Хрущева.

Ежов был помещен в подмосковную Сухановскую тюрьму, разместившуюся в здании бывшего монастыря. «Сухановка» или «Объект № 1/10» была особой следственной тюрьмой, из которой редко кто выходил живым. Содержался в одиночной камере размером два с половиной на три метра, где имелась лишь табуретка и привинченные к стене, опускавшиеся только на ночь, нары. Несмотря на то, что его тщательно обыскали и переодели, в камере постоянно находился контролер, который следил, чтобы заключенный не попытался покончить жизнь самоубийством. Думаю, и не только для этого. Сталин понимал, что Ежов много знает о его

конкретных приказах, как правило, устных, на уничтожение конкретных лиц, а потому поставился держать его под контролем до самого приговора суда.

11 июня 1939 года комиссар госбезопасности 3-го ранга Б. Кобулов подписал постановление о привлечении Ежова к уголовной ответственности.

1 февраля 1940 года было подписано обвинительное заключение по его делу. Суд над Ежовым состоялся на следующий день.

Следствие не в пример Ягоды длилось совсем недолго.

2 февраля того же года Военная коллегия Верховного Суда СССР приговорила Ежова к ВМН с конфискацией имущества.

Через два дня, 4 февраля 1939 года, осужденный Ежов был расстрелян.

* * *

Приход в «органы» Александра Пантелеймоновича совпал с пересмотром сотен, если не тысяч дел на так называемых «врагов народа». Эти жертвы наштамповали наши вожди и их послушные клеветы из местной партийной власти и ретивых сотрудников УНКВД, желающих выслужиться путем откровенного палачества или бездумного исполнения порой преступных приказов своих руководителей. Были среди них и дела, которые и не стоило бы пересматривать. Это дела на убийц, грабителей, воров, взяточников, мошенников, настоящих шпионов, вредителей, предателей и прочего социально чуждого элемента. Их было тоже много, очень много...

Что же касается «невиновных виновных», ставших «врагами народа», то они рождались в так называемом не правовом, а «плановом» поле, созданном явными дилетантами в чекистском ремесле и человеконенавистниками, обносившимися умом – Ягодой и Ежовым и им подобными.

Планка разоблачения врагов партии, государства и народа поднималась все выше и выше. Уже стали появляться среди оперативного состава своего рода «маяки», «передовики» и «ударники» на ниве «разоблачительства социально вредного элемента», «антисоветски настроенных граждан», становящихся затем «врагами народа». Нередко в государствах с жесткой, тоталитарной системой правления наступают времена, когда торжествует безумие. Тогда новые властные эпигоны и их клеветы секут головы и переступившим закон, и самым благородным.

Именно тогда молодой оперативник понял, что осторожность, терпение, а главное «короткий язык» может спасти его в будущем и позволит выжить в подобных мясорубках, неизбежность появления которых ему подсказывали старшие товарищи.

К сожалению, все это было в Советском Союзе того периода, и от этой горькой правды никуда «...не спрятаться, не деться».

Слово Святогорову:

«...Началась массовая реабилитация людей, арестованных при Генрихе Ягоде и Николае Ежове. В краях и областях создавались специальные группы по реабилитации, куда входили вместе с сотрудниками прокуратуры и оперативные работники областных управлений НКВД. В одну из таких групп по пересмотру дел включили и меня.

Мы целыми сутками, сидя как затворники в кабинетах, разбирали дела репрессированных – арестованных, находящихся под следствием, сидевших по тюрьмам и даже расстрелянных советских граждан. После тщательного изучения каждого конкретного дела, мы писали свои мотивированные заключения о виновности или невиновности этих граждан. Последних было больше.

Необходимо заметить, что были среди них и виновные, особенно в совершении чисто уголовных преступлений – грабители, ворюги, бандиты, убийцы... Но попадалось очень много людей невиновных – так называемых политических заключенных – «политзеков».

Решением специально созданных комиссий такие граждане освобождались из-под следствия и даже выпускались из тюрем. А некоторые сотрудники НКВД, которые сфальсифицировали эти дела, арестовывались и впоследствии попадали под трибуналы. К ним нередко применялась высшая мера наказания и они расстреливались по суду.

Мы боялись одного – исчезновения свободы снова, понимая: ведь когда она исчезает, остается еще страна, но отечество уже умирает. Слава богу, что Отечество осталось с нами и мы доказали Родине в ее тяжелую годину свою любовь и верность...

Помню, я беседовал с директором завода «Коммунар». Спрашиваю у него: «Не понимаю одного, как это вы сознались, что являетесь шпионом?»

А он мне и рассказывает...

Его водворили в камеру, где должен был сидеть только один заключенный, а там человек тридцать. Негде было даже сесть – все стояли спрессованные, как стебли в снопе. Не могли спать – на полу вонючая жидкость, делали все под себя. А потом следователь требовал: или подписывай все составленные мной протоколы, или назад – в камеру! И люди ломались, подписывая, что угодно... Поверьте, это было страшно...

Я по-прежнему считаю Ежова ответственным за совершенные преступления. И полностью солидарен со своим начальником Судоплатовым в том, что нарком был еще и профессионально некомпетентным руководителем.

Чтобы понять природу ежовщины, необходимо учитывать политические традиции, характерные для нашей страны. Все политические кампании в условиях диктатуры неизменно приобретают безумные масштабы, и Сталин виноват не только в преступлениях, совершившихся по его указанию, но и в том, что позволил своим подчиненным от его имени уничтожать тех, кто оказывался неугоден местному партийному начальству. Руководители партии и НКВД получили возможность решать даже самые обычные споры, возникавшие чуть ли не каждый день, путем ликвидации своих оппонентов...»

* * *

Александр приходилось работать и учиться, учиться и работать над повышением своего профессионального уровня. Как говорится, у него не было времени на медленные танцы в быстротекущей жизни, он понимал, что жить – это двигаться, расти, мыслить. Его девизом того бурного времени были слова: «...И постоянны только камни, жизнь быстротечна, как вода».

Лекции и практические занятия по основам оперативной работы чередовались с активным изучением иностранных языков. Учением такие сотрудники, как он, занимались с усердием, понимая, что каждый из них – кузнец своего счастья. Недаром замечено, сколько и как ты знаешь иностранных языков, столько ты человек, тем более для избранной новой профессии – чекистской с разведывательным уклоном.

В одной из записных книжек у него имелась запись о степени ценности информации, полученной от агента, и ее оценкой в Центре. Разведданные, как известно, могут носить двойной характер. Одни из них являются подлинными и раскрывают планы противника, вторые – специально подбрасываются противником для введения другой стороны в заблуждение.

Потом в ходе войны Святогоров не раз встречался с этой оперативной аксиомой. Надо отметить, что спецслужбы гитлеровской Германии зарекомендовали себя мастерами маскировки своих подлинных намерений, высокими специалистами в области обмана и провокаций – дезинформации.

Вообще Александр считал, что экстремальные тренировки обостряют инстинкт самосохранения, оттого на полевых занятиях по стрельбе, топографии и минному делу отдавался полностью. Он буквально срастался с каждым днем учебного процесса.

А счастье личное он и его товарищи видели и искренне воспринимали только в счастье Родины, в ее безопасности, в благосостоянии народа. И такая позиция для юношей того времени была не бравадой, не пустым звуком, не квасным патриотизмом. Они росли настоящими патриотами Отчизны, знающими, для чего им эти занятия и знания в чувствующем приближении предгрозового будущего.

«Каждый человек имеет на земле какое-то предназначение, которого никто другой за его не исполнит, – рассуждал Александр. – Биологическая программа заложена сверху, только надо уяснить ее возможности, а затем претворять в жизнь свои тактические и стратегические начертания, тогда получится толк из любой личности. Когда же человек мечется, не знает, куда он направляется, ему никогда не будет попутного ветра...»

Народное предание гласит, что земля может накормить человека, напоить водой из своих родников, но защитить сама себя она не способна, поскольку это святое дело тех, кто ест хлеб родной земли, пьет ее воду, любит ее красотой. Профессия воина, защитника всегда была почетной на Руси. Это сегодня ее затоптали, испохабили, оболгали лжедемократы и властвующие либералы разных мастей, в том числе и с погонами. Чего стоит волгогоновщина в ельцинский период безвременья!

Исторически сложилось так, что нашему народу веками приходилось вести борьбу с чужеземными захватчиками за свое национальное существование. А о том, что цунами войны приближается, и эта гигантская, разрушительная волна неминуемой сшибки народов в Европе непременно накроет страну, догадывались многие.

Святогоров был уверен, что столкновения с фашизмом не избежать, как это понимало и большинство населения страны. В то очевидное время нельзя было оценивать обстановку по-другому. Люди по радио и из газет узнавали, как Гитлер активно поглощает европейские страны (Польша, Чехословакия, Франция, Бельгия, Норвегия и другие), постепенно аккумулируя экономику этих государств для расширения своего военного потенциала, нацеленного вовсе не на Британские острова, а на Восток. Этого же желала и сама Великобритания в лице правящей верхушки трусливого Чемберлена и ярого русофоба Черчилля, всякий раз провоцировавших гитлеровскую Германию к нападению на Советский Союз.

Это было время войны. А войну можно справедливо сравнить со способом развязывания зубами политических узлов, которые не поддаются языку дипломатии. Честным переговорным языком фашисты не хотели разговаривать, они рвали зубами, как звери, политические узлы, завязанные по их вине в Европе. Многие политики понимали, что любая война – это преступление против человечества, но будущая, с горами накопленного оружия – есть безумие по сравнению даже с Первой мировой войной. Гитлеровцы так не считали, судя по первым легким победам. Они верили в свое оружие, в свою предначертанную победу, в своего фюрера,

которого, как им казалось, двигало само Провидение. Об этом геббельсовская пропаганда прожужжала в уши мировой общественности.

На фоне готовности Германии к походу на Восток перед нашей страной и Красной армией вставал рельефно вырисовывался грозный противник в облике сильного вермахта. Нельзя сбрасывать со счета и активно работающих специальных служб фашистской Германии...

* * *

В ходе обучения Александр четко усвоил, с какими органами ему придется встретиться. В секретной тетради он вычертил схему: «Органы разведки Германии». В соответствии с нацистской доктриной завоевания мирового господства разведывательно-подрывную деятельность против потенциальных противников Германии вели:

- служба военной разведки и контрразведки (Абвер);
- внешнеполитическая разведка Главного управления имперской безопасности (РСХА);
- иностранный отдел гестапо, внешнеполитический отдел национал-социалистской партии;
- специальная служба министерства иностранных дел;
- иностранный отдел министерства пропаганды;
- имперское колониальное управление.

Для эффективной борьбы с ними чекистам, особенно молодым, надо было быстрее, шире и глубже постигать азы этой специфической профессии.

Глубоко врезались в память Александру Пантелеймоновичу слова, сказанные однажды одним опытным преподавателем-разведчиком:

«...Учение без размышления бесполезно, но и размышление без учения опасно. Учитесь так, словно вы постоянно ощущаете нехватку своих знаний, и так, словно вы постоянно боитесь растерять свои знания. Если учиться и не думать – запутаешься. Если думать и не учиться – впадешь в сомнения. Хитрые люди презируют учение, простые преклоняются перед ним, мудрые пользуются им. Так будьте простыми и мудрыми...

Учитесь также прилежно на опыте и ошибках противника. Ваша любовь к Отечеству не должна заставлять вас закрывать глаза на заслуги иностранцев. Напротив, чем более вы любите Отечество, тем более должны стремиться обогатить свою страну сокровищами, извлеченными не из ее недр. Враг тоже учится, его надо изучать и знать, только тогда можно ждать победы над ним. На чужих ошибках полезнее учиться, чем на своих – так выгоднее во всех отношениях...»

Сегодня, к сожалению, мы извлекаем сокровища из своих недр и отдаем или продаем их, обогащая, мягко говоря, «партнеров».

А еще он запомнил с того времени висевший в Управлении НКВД агитационный плакат, призывавший к бдительности. Девушка в красной косынке, туго повязанной на голове и закрывающей часть лба, приложив указательный палец правой руки к губам, зорко смотрела на любого созерцающего ее снизу. В нижней части плаката крупным красным шрифтом было набрано: «НЕ БОЛТАЙ!», а в правом верхнем углу полотнища словно звенели призывные слова:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.